

более близка «осанна» создателя «Братьев Карамазовых», а Короленко, судя по сохранившимся пометам его на страницах романа,²⁵ критически относился к ряду утопических с его точки зрения положений проповеди Зосимы, был, как отмечал Батюшков в статье о нем в той же «Истории русской литературы...», носителем романтически окрашенной идеи «святости противления», необходимости «самообороны», при любви к идее «человеческого братства», что нашло символическое выражение в его «Сказании о Флоре, Агриппе и Менахеме».²⁶ Но, как можно заключить, дилемма «вины» и «ответственности», взаимосвязанности людей решалась им на путях, общих с Достоевским. Объединяет автора повести «Не страшное» и других подобных произведений с его великим предшественником и пафос искания высокого этического начала жизни. В пору завершения работы над этой повестью (называя ее еще рассказом), 5 февраля 1903 года, Короленко писал своей корреспондентке П. С. Ивановской: «Рассказ странный, не в обычном моем роде, но захватил меня сильно, и работаю я над ним долго, потому что не хочется вставлять ни одной строчки „от себя“. Ведется он (наполовину) от лица некоторого чудака, который меня интересует не меньше, чем то, о чем он рассказывает. Тема — бессмыслица сутолоки жизни и предчувствие или ощущение, что смысл есть огромный, общий смысл всей жизни, во всей ее совокупности, и его надо искать. Не знаю, что из этого у меня вышло, знаю только, что это, может быть, самое задушевное, что я писал до сих пор. Ощущение это, по моему мнению, разлито теперь в воздухе». И хотя последние свои слова Короленко подтверждал ссылкой на пример иронически им оцениваемого перехода «недавних марксистов» (М. И. Туган-Барановского и С. Н. Булгакова) к развитию «философии Зосимы», но далее формулировал свое, соприкасающееся с Достоевским и в то же время от него отличающееся, понимание значимости духовных «поисков»: «Но самое чувство, побуждающее искать широких мировых формул, — я считаю нормальным, неистребимым и подлежащим бесконечной эволюции».²⁷

²⁵ См. публикацию И. А. Кронрод: Лит. наследство. Т. 86. С. 643—656 (в частности, с. 648—655).

²⁶ См.: История русской литературы XIX века. М., 1911. Т. 5. С. 177.

²⁷ Короленко В. Г. Собр. соч.: В 10 т. М., 1956. Т. 10. С. 357—358.

А. Б. МАРЦИНЧИК

ДОПОЛНЕНИЕ К «ЛЕТОПИСИ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ДОСТОЕВСКОГО». Т. 3

По поводу смерти и похорон Федора Михайловича Достоевского в конце января 1881 года (по старому стилю) написано много и прессой того времени, и очевидцами, и многочисленными исследователями его жизнедеятельности и творчества, поскольку ничего подобного Россия до того никогда не наблюдала. Достаточно сослаться хотя бы на свидетельство одного из очевидцев этого скорбного события, члена Литературного фонда С. Н. Гютчева: «Не менее ста лавровых венков, высоко несомых представителями разных обществ, корпораций, прессы, высших и средних учебных заведений (...) делали триумфальную процессию почти бесконечную..., происходило торжественно-важное народное признание заслуг русского человека».¹

По более точным свидетельствам, в последний путь проводить великого писателя пришло около 30 тысяч человек и более 70 делегаций от учреждений и различных обществ.²

Почтило покойника и Николаевское инженерное училище (НИУ), которое писатель окончил в 1843 году, когда оно еще называлось Главным инженерным (ГИУ). По всей вероятности, это произошло по воле распорядителя траурной церемонии Д. В. Григоровича, который был однокашником Достоевского в ГИУ, хотя его и не кончил. Но, возможно, этому способствовали и другие обстоятельства. Так или иначе, делегация училища открывала траурное шествие, что подтверждается свидетельством того времени: вслед за родственниками и друзьями писателя «шли юнкера Николаевского инженерного училища (НИУ. — А. М.) в полной парадной форме», которые несли большой лавровый венок «под предводительством начальника Николаевской академии Генерального штаба генерала Дондевиля с несколькими офицерами».³ Эти последние слова публикации и обратили на себя внимание.

Примечательно, что НИУ тоже сочло нужным принять участие в процессии и таким образом почтить память не просто знаменитого писателя, но и своего выдающегося воспитанника. Кстати, официально «выдающимся» он был признан в НИУ позже, в 1903 году. Однако непонятно, как во главе процессии мог оказаться генерал Дондевиль. Скорее всего, здесь налицо журналистская небрежность. Генерал Виктор Дезидериевич Дондевиль действи-

¹ Достоевский и его время. Л., 1971. С. 305.

² Волгин И. Последний год Достоевского: Исторические записки. 2-е изд. М., 1991. С. 469—476, 486—495.

³ Федор Михайлович Достоевский. Биография. Его сочинения. Последние минуты его жизни. Проводы тела, похороны его и оvation русского общества. М.: Изд. А. В. Хлебникова, 1881. С. 34.

тельно существовал, но он не был ни начальником академии Генштаба, ни, тем более, начальником Инженерного училища, так как именно в это время занимал должность командира 3-й пехотной дивизии.⁴ К тому же, с какой стати ему было возглавлять делегацию училища, когда там был свой начальник, генерал-лейтенант Сигизмунд Андреевич Тидебель, который и должен был идти во главе делегации своего учебного заведения не только по долгу службы, но и по долгу войскового товарищества. Он, наверняка, был знаком с Достоевским еще по годам обучения в ГИУ — ведь он его окончил двумя годами позже и был на одном курсе с Константином Труговским, поддерживавшим в те годы тесное общение с Достоевским.⁵

По-видимому, очевидец-журналист не очень-то пытался быть точным и фамилию воспринял на слух, не удосужившись ее проверить, что у репортеров случается. Действительно, фамилии «Дондевиль» и «Тидебель» созвучны, к тому же обе академии, и Генштаба и Инженерная, вместе с училищем были «Николаевскими». Видимо, эти обстоятельства и послужили возникновению явной ошибки.

К сожалению, не удалось (да и вряд ли удастся) найти следы этого события в приказах по академии и училищу конца января — начала февраля 1881 года.⁶ Можно предположить, что участие делегации училища в прощании с телом своего знаменитого выпускника состоялось на основании устного распоряжения самого начальника, основанного либо на его собственном решении (что вряд ли было возможно), либо на решении сверху, где не последнюю роль играл генерал Э. И. Тотлебен, участие которого в судьбе Достоевского хорошо известно.

Из-за отсутствия письменного приказа нам также не удастся узнать и фамилии юнкеров и офицеров, участвовавших в траурной церемонии. Хотя возможны некоторые предположения по этому поводу. Например, в это время юнкером НИУ был Дмитрий Костомаров, сын того самого капитана (а тогда уже генерала) К. Ф. Костомарова, в пансионе которого юноша Достоевский готовился к поступлению в ГИУ. Вполне вероятно, что он или по собственному желанию, или по просьбе отца мог войти в состав делегации. Тогда же геодезию в училище преподавал полковник Константин Шарнгорст,⁷ сын генерала В. Л. Шарнгорста, бывшего

⁴ Военная энциклопедия / Под ред. К. К. Величко. СПб., 1912. Т. 8. С. 597.

⁵ Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 168, 171; ЦГВИА, ф. 351, оп. 1, д. 303. Формулярные списки офицеров; Максимовский М. Исторический очерк развития Главного инженерного училища. 1819—1869 гг. СПб., 1869.

⁶ ЦГВИА, ф. 351, оп. 1, т. 1, д. 26. Приказы за 1881 г.

⁷ Николаевская инженерная академия и училище. Личный состав, распределение учебных и других занятий и прочие сведения. На 1881—1882 учебный год. СПб., 1881.

начальником ГИУ во времена Достоевского. Может быть, и он тоже был в траурной процессии?

Но, оказывается, не только НИУ приняло участие в поклонении праху великого писателя. На следующий день после манифестации прислали свои венки в лаврскую Духовую церковь Михайловская артиллерийская академия и Николаевская академия Генштаба.⁸ Думается, что не последнюю роль в этом сыграли офицеры и генералы, преподававшие в этих военно-учебных заведениях одновременно с Инженерными академией и училищем: генералы Г. А. Леер и Н. А. Демьяненко, полковник Ц. А. Кюи и капитан Н. Л. Кирпичев, а также статский советник Н. Н. Куликов, преподававший «язищную словесность».⁹ Но пока это только версия.

⁸ Волгин И. Последний год Достоевского. С. 469—476, 486—495.

⁹ Николаевская инженерная академия и училище.